

просимъ братолюбно васъ, Святѣйшій Синодъ, благо-разсмотрѣть наше дѣло и объявитъ благочестивѣйшей, самодержавнѣйшей великой государынѣ нашей (которой жизнь да будетъ непреложна), угнетающую насъ великую крайность и бѣдность, чтобъ выдана намъ была обыкновенная отъ ея величества милостина, хотя къ малому облегченію долговъ всесвятаго Гроба, дабы какъ мы, такъ и прочіе всесвятаго Гроба старцы, отъ великихъ крайностей въ разныхъ мѣстахъ скитающіеся, получили нѣкоторую отраду.“

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ 1778 г. Св. Синодъ отослалъ въ московскую контору иностранныхъ дѣлъ 2800 руб. ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы контора отослала ихъ въ Константинополь къ нашему послу, который долженъ былъ передать деньги Іерусалимскому патріарху. Но московская контора иностранныхъ дѣлъ, получивъ деньги изъ Синода, вмѣсто отсылки ихъ въ Константинополь къ послу, записала ихъ въ расходъ и деньги ею „употреблены были обще съ прочими на окладныя дачи и расходы.“ Тогда Св. Синодъ предписалъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ посланнаго ранѣе въ ея московскую контору 2,800 руб. немедленно отослать въ Яссы Іерусалимскому патріарху и увѣдомить объ этомъ Синодъ. Но такъ какъ коллегія иностранныхъ дѣлъ молчала, то Св. Синоду пришлось еще два раза писать объ этомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, которая наконецъ отвѣтила, что по этому дѣлу былъ докладъ государынѣ, которая приказала 2,800 руб. чрезъ константинопольскаго посла отослать Іерусалимскому патріарху, взявъ эти деньги „изъ казначейства, для остаточныхъ суммъ учрежденнаго“¹.

¹ Архивъ Св. Синода 1777 г., № 300.

Въ 1784 году кіевскій митрополитъ Самуиль доносилъ въ Св. Синодъ, что Іерусалимскій патріархъ Авраамій письменно просилъ его дозволить посланному имъ архимандриту Вареоломею съ старцами собирать милостыню на Св. гробъ въ кіевской епархіи, а самимъ жить въ Нѣжинѣ, что митрополитъ и разрѣшилъ. Св. Синодъ постановилъ принять донесеніе митрополита Самуила къ свѣдѣнію¹.

Этимъ и закончились сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ Русскимъ правительствомъ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, какъ мы видѣли, начались въ первый разъ въ половинѣ XVI вѣка при первомъ іерусалимскомъ патріархѣ изъ грековъ — Германѣ, который обратился къ Русскому правительству съ просьбою помочь бѣдствующему Св. гробу. Разъ начавшіяся сношенія были продолжены преемниками Германа, причемъ двое изъ нихъ, Теофанъ и Паисій, и лично побывали въ Москвѣ въ санѣ патріарховъ и получили отъ Русскаго правительства богатую милостыню. Завязавшіяся прочныя и постоянныя сношенія съ Москвою, дали возможность Іерусалимскимъ патріархамъ увидѣть и признать въ Россіи такую православную страну, которая не только можетъ оказывать Іерусалимской патріархіи денежную помощь, но которая, какъ крупная политическая сила, притомъ все болѣе и болѣе развивающаяся, можетъ сдѣлаться съ теченіемъ времени и орудіемъ освобожденія грековъ отъ турецкаго ига. Въ виду этого, Іерусалимскіе патріархи стали не просто только про-

¹ Архивъ Св. Синода 1784 г., № 230.

силь милостыню у Русскаго правительства, но настойчиво и постоянно разъяснять русскимъ царямъ, что они призваны самимъ Божественнымъ промысломъ освободить православныхъ отъ господства надъ ними безбожныхъ агарянъ, что русскіе православные цари, ради освобожденія православныхъ народовъ, должны въ удобное время вступить въ рѣшительную борьбу съ турками, причемъ на сторону русскихъ не замедлятъ стать все покоренные турками православные народы, при содѣйствіи которыхъ побѣда русскихъ надъ агарянами исполнѣ возможна. При всякой военной неудачѣ турокъ, при всякихъ внутреннихъ смутахъ у нихъ, патріархи спѣшили извѣстить русское правительство, что царство агарянъ ослабѣваетъ, что ему приходитъ скорый конецъ и чтобы московскій царь былъ готовъ принять наслѣдіе древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей. Патріархи внимательно слѣдили за доступными ихъ наблюденію международными сношеніями и всеми войнами Россіи, всячески желали, а гдѣ возможно и содѣйствовали присылаемыми свѣдѣніями, а иногда совѣтами и указаніями, ея торжеству надъ врагами, радовались всякому увеличенію ея силы и могущества, такъ какъ видѣли въ этомъ залогъ своего будущаго освобожденія. Такъ образовалась въ XVII вѣкѣ очень тѣсная и прочная связь между Іерусалимскими патріархами и русскимъ правительствомъ, на основѣ главнымъ образомъ сознанія съ одной стороны (патріарховъ), что Россія, усилившись, освободитъ грековъ отъ турецкаго ига, съ другой (нашего правительства), что Іерусалимскіе патріархи могутъ быть очень полезными русскому правительству въ качествѣ его тайныхъ политическихъ агентовъ въ Турціи, и что посылаемая имъ изъ Москвы милостыня есть актъ не религіозной только благотворительности, но,

въ извѣстной степені, и актъ государственной мудрости.

На указанной главной основѣ и въ связи съ нею естественно и сами собою развились и другія стороны сношеній Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ.

Русская церковная жизнь, съ половины XV вѣка и до конца XVI, замкнувшись было сама въ себя и обособившаяся отъ жизни тогдашней греческой церкви, оказалась однако въ концѣ концовъ неспособною прѣшить собственными силами и средствами возникавшіе въ ней разные вопросы, недоумѣнія, и потому почувствовала необходимость въ помощи и содѣйствіи церкви вселенской греческой. Іерусалимскіе патріархи, ближе познакомившись съ Россіей и съ особенностями ея церковной жизни, пошли навстрѣчу этой народившейся у насъ потребности, и въ теченіи всего XVII столѣтія, принимая живое и дѣятельное участіе въ рѣшеніи возникавшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ, оказывали на нашу церковную жизнь очень замѣтное воздѣйствіе, устанавливая болѣе тѣсную связь между русскою и греческою церквами, устраняя съ ихъ пути все, что препятствовало ихъ полному единенію и взаимообщенію. Благодаря по преимуществу Іерусалимскимъ патріархамъ греческое вліяніе на нашу церковную жизнь принимаетъ, съ половины XVII вѣка, столь широкіе размѣры, что даже вызываетъ у насъ открытое противодѣйствіе себя сначала со стороны крайнихъ и одностороннихъ приверженцевъ русской старины, а потомъ, позднѣе, и со стороны приверженцевъ такъ называемаго латинскаго (т. е. западнаго) ученія.

И на другія стороны нашей общественной жизни Іерусалимскіе патріархи стремились оказать свое воз-

дѣйствіе и вліяніе. Когда царь Алексѣй Михайловичъ задумалъ было основать въ Москвѣ школу, то онъ поручилъ пріѣхавшему въ Москву Іерусалимскому патріарху Паисію прискаты на востокъ православнаго учителя, который бы „не имѣлъ никакого пороку, въ благочестивой вѣрѣ и былъ-бы далече отъ еретиковъ.“ Въ устройствѣ въ Москвѣ первой настоящей школы — славяно-греко-латинской Академіи, живое и дѣятельное участіе принималъ Іерусалимскій патріархъ Досіеѣй, который прислалъ въ Москву учителей для школы — извѣстныхъ братьевъ Лихудовъ, и потомъ внимательно слѣдилъ за характеромъ и направленіемъ преподаванія Лихудами въ московской школѣ. Патріархъ же Досіеѣй всячески усиливался помѣшаты всякому сближенію Россіи съ иновѣрными народами западной Европы, воспрепятствовать проникновенію на Русь западной науки, западныхъ знаній, нравовъ и обычаевъ.

Но все, эти повидимому, такія прочныя и разнообразныя связи Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ и со всею русскою жизнію, какъ-то вдругъ и, повидимому, совершенно неожиданно прерываются уже въ самомъ началѣ XVIII столѣтія и опять сводятся только на обычныя и заурядныя просьбы со стороны патріарховъ о милостынѣ Св. гробу, причемъ все другія стороны сношеній, такъ было широко и разнообразно развившіяся въ XVII вѣкѣ, окончателью исчезаютъ, какъ будто ихъ никогда и небыло.

Причина указаннаго явленія заключается въ томъ, что тѣ разнообразныя связи, какія существовали въ XVII вѣкѣ между нашимъ правительствомъ и Іерусалимскими патріархами, возникли и развились исключительно на почвѣ особыхъ условій тогдашняго времени.

Іерусалимскіе патріархи XVII вѣка видѣли въ Рос-

сіи не только такую православную страну, которая можетъ давать имъ богатую милостыню, но и будущую освободительницу грековъ отъ турецкаго ига, почему они и считали нужнымъ находиться съ русскимъ правительствомъ въ постоянныхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, чтобы въ удобное время подвигнуть его на рѣшительную борьбу съ турками ради освобожденія грековъ. Съ своей стороны наше правительство XVII вѣка видѣло въ Іерусалимскихъ патріархахъ своихъ преданныхъ, вѣрныхъ и очень полезныхъ для него слугъ, которыхъ слѣдуетъ всячески поощрять въ ихъ служеніи интересамъ Россіи. Съ начала XVIII вѣка обстоятельства въ этомъ отношеніи измѣняются: русское правительство перестало нуждаться въ политическихъ услугахъ Іерусалимскихъ патріарховъ и даже, въ лицѣ Хрисанѣа, заподозрило самую искренность ихъ расположенія къ Россіи; а Іерусалимскіе патріархи, съ своей стороны, перестали видѣть въ Россіи ту единственную силу, которая готова служить на православномъ востокѣ исключительно греческимъ національнымъ интересамъ. Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ, необходимо измѣнились и самыя ихъ взаимныя отношенія.

Въ XVIII вѣкѣ ослабѣли, а потомъ и совсѣмъ прекратились и прежнія тѣсныя церковныя связи, вызывавшія ранѣе такой живой и энергичный обмѣнъ мнѣній по разнымъ церковнымъ вопросамъ между Іерусалимскими патріархами и нашимъ правительствомъ. Если въ XVII вѣкѣ русская церковь, неимѣвшая въ своей средѣ научно образованныхъ іерарховъ, принуждена была, для рѣшенія возникавшихъ въ ней вопросовъ и недоумѣній, обращаться къ содѣйствію и помощи болѣе образованныхъ греческихъ іерарховъ, которые ради этого получали у насъ руководящее значеніе въ рѣ-

шеніи разныхъ церковныхъ вопросовъ; то въ XVІІІ в. этой нужды въ помощи пришлыхъ ученыхъ іерарховъ болѣе не существуетъ. У насъ явилась цѣлая чреда собственныхъ высокообразованныхъ іерарховъ, у насъ были заведены различныя школы, а съ ними постепенно стали развиваться въ русскомъ обществѣ наука и образованіе, которыя дѣлали ненужными дальнѣйшую опеку и вмѣшательство греческихъ іерарховъ въ русскія церковныя дѣла. Русская церковь стала теперь справляться съ возникавшими въ ней вопросами своими собственными силами и средствами.

Оставалось, слѣдовательно, въ полной силѣ въ XVІІІ в. только одно звѣно, по прежнему связывавшее Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ — это милостыня, посылаемая изъ Россіи Св. гробу. На этой именно почвѣ и продолжались всѣ послѣдующія сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ нашимъ правительствомъ. Но и здѣсь произошли нѣкоторыя перемѣны. До второй половины XVІІІ вѣка Іерусалимскіе патріархи съ своими просьбами о милостынѣ обыкновенно обращались непосредственно къ самимъ государямъ, отъ которыхъ и получали ту или другую милостыню. Со второй половины XVІІІ вѣка Іерусалимскіе патріархи обращаются съ просьбами о милостынѣ уже не непосредственно къ самимъ государямъ, а въ Святѣйшій правительствующій Синодъ, который теперь и завѣдуетъ всеми дѣлами о милостынѣ православному востоку. Точно также съ этого времени прекращаются и непосредственныя посылки милостыни Іерусалимскимъ патріархамъ отъ лица самихъ государей, исключая какихъ-нибудь особыхъ случаевъ. Въ 1735 г. составлены были такъ называемые палестинскіе штаты, которыми назначалась ежегодная пятитысячная сумма

на дачу милостыни всемъ просителямъ съ православнаго востока, причемъ Іерусалимскимъ патріархамъ назначена была ежегодная дача милостыни въ сто рублей, за которою они должны были чрезъ каждые пять лѣтъ въ шестой присылать въ Россію довѣренныхъ лицъ. Эти посланные Іерусалимскихъ патріарховъ обыкновенно обращались въ Св. Синодъ съ просьбою дозволить имъ производить сборъ милостыни въ различныхъ городахъ Россіи по книжкѣ, выдаваемой изъ Св. Синода, на что всегда получали разрѣшеніе отъ Синода и этимъ способомъ собирали немалыя суммы.

Въ XVІІІ столѣтіи наше правительство въ первый разъ выразило довольно рѣшительно свое сомнѣніе въ правильности расходованія святогробскимъ братствомъ идущихъ изъ Россіи суммъ и потому пожелало познаться съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Іерусалимѣ чрезъ своего посла въ Константинополь. Но эта попытка нашего правительства неимѣла успѣха, такъ что ему, уже въ текущемъ столѣтіи, пришлось прибѣгнуть, для достиженія той-же цѣли, къ особымъ мѣрамъ, о которыхъ мы скажемъ въ слѣдующемъ очеркѣ.